

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА» КАНТА И СОВРЕМЕННОСТЬ»

В 1781 году в Риге в издательстве И. А. Харткноха вышла в свет «Критика чистого разума» Иммануила Канта. Выход этого труда ознаменовал начало немецкой классической философии — вершины буржуазной да и всей домарксистской философской мысли. В «Критике чистого разума» был сделан первый, а потому и самый трудный шаг к пониманию активной природы человеческого познания и намечена проблематика, приведшая к разработке теории диалектики и диалектического метода в трудах Фихте, Шеллинга и Гегеля.

27—28 октября 1981 г. в Риге состоялся Международный симпозиум «Критика чистого разума» И. Канта и современность». Симпозиум был организован Институтом философии и права АН Латвийской ССР, Латвийским государственным университетом имени П. Стучки, Латвийским отделением Философского общества СССР, а также Институтом философии АН СССР. Активное участие в подготовке и проведении симпозиума приняли ученые Калининградского государственного университета и сотрудники созданного при кафедре философии этого университета кабинета-музея Канта.

В работе симпозиума участвовало более ста специалистов из вузов и научных центров почти всех республик Советского Союза, ученые из Англии, Болгарии, ГДР, Мексики, Нидерландов, ФРГ, Чехословакии, Японии. На открытии симпозиума присутствовали секретарь ЦК КП Латвии И. А. Андерсон и вице-президент АН Латвийской ССР А. А. Дризул. В числе почетных гостей симпозиума был Президент международного кантовского общества и главный редактор журнала «Kant-Studien» профессор Герхард Функе.

Выступая на торжественном открытии симпозиума, академик Латвийской АН, директор Института философии и права АН Латвийской ССР В. А. Штейнберг отметил выдающуюся роль кантовского наследия в истории мировой культуры, а также его значение для развития современной философской мысли. О важности и актуальности критического освоения философии Канта, осмысления ее прогрессивных тенденций марксистскими исследователями в СССР свидетельствует тот факт, что в нашей стране вышли в свет большими тиражами практически все основные труды мыслителя, причем не только на русском, но и на языках ряда союзных республик. Только за последние годы у нас опубликовано более 200 исследований по различным аспектам кантовской философии. Общее же число работ о Канте, изданных в СССР за годы Советской власти, насчитывает около 500 наименований.

В приветствии к участникам симпозиума ректор Латвийского госуниверситета В. О. Миллер подчеркнул значение идеи Канта о вечном мире для наших дней и выразил уверенность, что Рижский симпозиум будет способствовать развитию дружбы и взаимопонимания ученых разных стран и, следовательно, делу укрепления и сохранения мира на земле.

Пленарное заседание открыл академик Т. И. Ойзерман, выступивший с докладом «В. И. Ленин и философия Канта». Отметив значительные достижения советского кантоведения, докладчик вместе с тем подчеркнул необходимость более глубокого понимания и применения в исследовательской практике ленинских положений о важности марксистской критики и переработки кантовских идей. Эти положения В. И. Ленина, указал Т. И. Ойзерман, следует рассматривать в контексте общего ленинского отношения к немецкой классической философии, его трактовки «умного» — диалектического — идеализма как более близкого к диалектическому материализму нежели материализм метафизический.

Далее докладчик остановился на анализе «основной черты» философии Канта, которая, по определению В. И. Ленина, состоит в попытке компромисса между материализмом и идеализмом. Эта дуалистичность, выступающая в кантовской философии в многообразных формах, имеет, по мнению Т. И. Ойзермана, глубокие корни и обладает важным проблемным содержанием. Канту удалось весьма остро зафиксировать здесь вопрос о соотношении бытия и сознания, природы и духа как фундаментальную и труднейшую философскую проблему, хотя современное ему состояние науки не позволило объяснить и понять как процесс возникновения сознания, так и возможность перехода от вещей в себе к явлениям, что и привело к дуализму, априоризму и агностицизму «критической» философии.

Вместе с тем, в «Критике чистого разума» Кант убедительно показал, что самосознание, *cogito* возможно лишь как восприятие внешнего мира и при условии допущения вещей в себе как независимой от сознания объективной реальности. В этой связи Т. И. Ойзерман подчеркнул необходимость различать понятие вещи в себе и понятие ноумена. Последние служат лишь для обозначения предметов традиционной метафизики, являются идеями чистого разума, создаваемыми им независимо от опыта. Поэтому и невозможность познания ноуменов, в отличие от относительной непознаваемости вещей в себе, имеет у Канта антиметафизическую тенденцию, направлена против возможности теоретических доказательств бытия бога, бессмертия души и т. п.

Доклад Г. Функе (Майнц, ГДР) был посвящен гегелевской критике учения Канта об антиномиях разума. Это учение сыграло немалую роль в становлении диалектики, однако процесс ее формирования требовал отказа от трактовки ее как негативной и иллюзорной. Если у Канта антиномии служили доказательством неспособности разума выходить за пределы опыта и познавать вещи в себе, то у Гегеля противоречия наделяются положительным и объективным характером и превращаются в источник самодвижения понятий.

В докладе «Кант и основные проблемы классической буржуазной философии» академик М. Бур (Берлин, ГДР) проанализировал роль социально-исторических и естественнонаучных процессов для формирования кантовской философии. В условиях перехода от феодализма к капитализму и обостряющихся противоречий капиталистического общества Кант сформулировал проблему свободы как проблему активности субъекта, возможности человека осуществлять господство над природой и обществом. Подчеркнув примат практического разума над теоретическим, Кант, по мнению М. Бура, не только сумел преодолеть ограниченность предшествующей ему философии нового времени и методологическую односторонность эмпиризма и рационализма, но и смог более глубоко осознать социальную природу человеческого мышления и деятельности и выразить основную идею буржуазного гуманизма. Именно эти идеи обусловили значение Канта для последующего развития немецкой классической философии.

На взаимосвязь научных и социальных революций, а также на влияние последних на кантовскую «революцию в способе мышления» обратил внимание в своем выступлении на I секции Г. Зандкюлер (Бремен, ФРГ).

Вопрос о месте и роли «критической» философии в истории немецкого классического идеализма и, в частности, об отношении философии Канта и Гегеля рассматривался во многих выступлениях на симпозиуме.

В докладе об аналогиях опыта у Канта Х. Хольц (Гронингенский университет, Голландия) рассмотрел кантовскую постановку вопроса о соединении трансэмпирического понятия «мир вообще» с многообразием чувственно данного. Отметив определенные диалектические догадки в кантовской трактовке этой проблемы, а также важную роль учения об аналогиях опыта для подготовки антиномий диалектического разума, докладчик подчеркнул, что трансцендентальная философия все же не смогла преодолеть противоположности между эмпиризмом и априоризмом, между единичным и общим. В понятии единства мира Кант, по мнению Х. Хольца, не вышел за рамки картезианского солипсизма, а онтологический статус мира поставил в полную зависимость от субъекта, деятельность которого осуществляется вне мира и природы. Докладчик во многом справедливо подчеркнул, что Кантов крити-

цизм означал отказ от материалистических тенденций ранних работ мыслителя. Вряд ли, однако, можно согласиться с тезисом докладчика, что именно признание приоритета чувственной данности по отношению к идее единого мира сделало для Канта невозможным создание материалистической концепции мира. В то же время Х. Хольц оставил открытым вопрос, каким образом можно это осуществить, исходя лишь из идеи единого мира и трактовки истины как целого.

Иную точку зрения выразил К. Крамер (Мюнстер, ФРГ) в докладе «Понятие обоснования в философии Канта и Гегеля», сделанном на IV секции. Докладчик провел детальное сравнение учения о категориях у Канта и Гегеля. У первого категории автономны и атомарны, обладают неизменным и самостоятельным значением, различия между которыми⁴⁰ возникают из различия их функций для познания чувственно данных явлений, т. е. благодаря способам применения категорий к непонятным условиям познания. У Гегеля категории обладают способностью самодвижения и самообогащения своих значений, а принцип тождества бытия и мышления, неразличимости категорий и действительности делает излишней саму проблему применения категорий. Хотя, по мнению К. Крамера, кантовская дедукция категорий была неудовлетворительной, тем не менее, гегелевская программа обоснования категорий во многом сохранила зависимость от Канта и не могла найти рационального объяснения источника самодвижения понятий.

Своеобразным ответом на критику К. Крамером философии Гегеля можно считать доклад И. Зелены (Прага, ЧССР) «Критика чистого разума» и диалектико-материалистическая историзация форм мышления». Переход от трансцендентализма к диалектике, к трактовке понятий как подвижных моментов процессуального метода оказался возможным лишь потому, что Гегель, по мнению И. Зелены, в основу развития мышления положил законы развития общества, хотя и понятие им в мистифицированной форме развития абсолютного духа.

В докладе М. А. Кисселя (Ленинград) справедливо отмечалось, что в «Критике чистого разума» была предпринята одна из первых попыток методического вычленения естественнонаучного знания от других форм знания, в частности, от философского. Указав на специфические признаки первого (использование математического аппарата, связь с экспериментом и наблюдением, единство эмпирических и теоретических компонентов познания и др.), М. А. Киссель подчеркнул, что кантовское различение методов физико-математического и философского познания не означало сциентистско-позитивистского отчуждения естественных и гуманитарных наук, но было связано с вопросом об отношении теоретического и практического разума.

Вполне естественно, что проблемы гносеологии, диалектики познавательного процесса, теории и методологии научного знания занимали одно из центральных мест в работе симпозиума, поскольку именно эти вопросы образуют основное содержание «Критики чистого разума». Специально эти темы обсуждались на I и II секциях («Диалектический материализм и гносеология Канта» и «Логико-гносеологические проблемы в «Критике чистого разума»).

Для докладов, представленных на этих секциях, было характерно стремление уяснить роль кантовской гносеологии для современных разработок вопросов естественнонаучного и математического познания, для понимания структуры и механизмов развития научного знания и т. д. На богатом фактическом материале докладчики убедительно показали, как многие гносеологические идеи Канта «работают» в различных областях современного научного познания и науковедения. Такая жизненность кантовского наследия во многом объясняется тем, что его философия была самым непосредственным образом связана с развитием современной ему физики и математики. В докладах Т. В. Томко, З. А. Сокулер (Москва), В. И. Шароградского, С. А. Чернова, Ю. Н. Солонина и К. А. Сергеева (Ленинград) и др. было детально и глубоко проанализировано влияние современных Канту открытий в науке и его собственных естественнонаучных взглядов на формирование «критической» философии, на основной состав ее гносеологических и методологических идей.

Г. Г. Соловьева (Алма-Ата), В. В. Глушкин (Ровно), Э. В. Караваев (Ленинград), Б. А. Ярочкин (Харьков), С. В. Корнилов (Калининград), В. А. Марков (Рига) и др. отмечали в своих выступлениях, что в учении об априорных предпосылках познания Кант, хотя и в метафизической форме, сумел выразить активную и социально-обусловленную природу человеческого сознания, преодолеть натуралистические и наивно-реалистические представления о сущности познавательного процесса.

Я. К. Ребане (Тарту) в своем докладе на пленарном заседании подчеркнул, что отказ от индивидуально-психологического рассмотрения субъекта познания был характерен для всей немецкой классической философии. Попытка Канта объяснить активную сущность познания привела его, хотя и в априористской форме, к фиксации некоторых инвариантных предпосылок познавательной деятельности, которые с необходимостью возникают в процессе общественно-исторической практики и имеют социально-культурную природу. Конкретные формы кантовского априоризма, его метафизический характер относятся к исторически-преходящим сторонам гносеологии Канта. Вместе с тем здесь имплицитно были поставлены проблемы социальной памяти, инвариантных структур научного познания, средств передачи его смыслового содержания, материальных носителей информации и др., т. е. те проблемы, которые оживленно обсуждаются и в сегодняшних гносеологических исследованиях.

Эта общая тема получила дальнейшее развитие в целом ряде выступлений, посвященных конкретному применению кантовских идей к разработке проблем современного научного познания. Из числа таких вопросов, подвергшихся обстоятельному обсуждению, можно указать следующие: вопрос о соотношении наглядных чувственных образов и ненаглядной знаково-символической формы понятийного мышления и о роли мысленных моделей как промежуточных звеньев между ними (В. А. Штофф, Ленинград); вопрос о легитимации теоретической формы номологических суждений в учении Канта об основоположениях опыта и их связи с эмпирическими источниками познания (И. С. Нарский, Москва); проблема формирования особых идеализаций, абстрактных или так называемых «затравочных» объектов как специфического средства организации теоретического образа вещи и ее познания (С. Н. Жаров, Воронеж); вопрос о роли теоретических парадигм, эвристики и игровых моделей для процесса возникновения нового знания (Э. В. Караваев, Ленинград); проблема включения в понятие объекта способа его описания, определяющего специфику квантово-механического объекта (А. С. Кармин, Ленинград) и многие другие. Во всех этих выступлениях отмечалась важная роль кантовского наследия для философского осмысления и решения указанных вопросов современной теории познания.

Особенно большое внимание было уделено проблеме «Кант и математика». Наряду с критикой кантовского субъективизма и априоризма в трактовке математики, многие докладчики отметили значительный вклад мыслителя в разработку вопросов о гносеологическом статусе и специфическом характере математического знания. В различных аспектах эта тема анализировалась в докладах Д. Лонга (Оксфорд), Ю. В. Таммару (Тарту), В. В. Глушкина (Ровно), Ф. Утинана (Рига) и др. В ряде выступлений был обстоятельно рассмотрен вопрос о соотношении кантовской философии математики с неевклидовыми геометриями. По мнению Д. Лонга, Н. А. Лициса (Рига), И. С. Кузнецовой (Калининград) и др., указанное отношение не является взаимоисключающим и носит более сложный характер, чем это принято считать. Вопрос о способности или неспособности кантовской философии математики объяснить феномен неевклидовых геометрий требует, по мнению докладчиков, дальнейшего специального изучения.

В работе II секции главной темой докладов было обсуждение вопроса о месте и значении «Критики чистого разума» в становлении и развитии диалектической логики, учения о категориях как логических основаниях синтеза в научном знании и т. д. Многие докладчики справедливо отмечали, что диалектические идеи содержатся не только в кантовской «диалектике», но и в «аналитике», в учении о рассудке и способах применения категорий к чув-

ственному материалу познания. «Трансцендентальная логика», по мнению ряда докладчиков, была исторически первой попыткой построения системы содержательной логики. Здесь следует отметить доклады П. Д. Шашкевича (Смоленск), Е. П. Ситковского, А. А. Сорокина (Москва), а также доклад Ж. М. Абдильдина (Алма-Ата), который он сделал на IV секции.

Диалектические аспекты кантовской теории познания рассматривались и во многих других докладах. Так, Ю. П. Ведин (Рига) проанализировал кантовские принципы построения системы категорий, их классификацию и способы их включения в процедуру познания. В. В. Сильвестров (Москва) остановился на диалогическом характере диалектической логики и отметил наличие аналогичных идей у Канта. По мнению Н. В. Дьяченко (Харьков), Кант не смог подняться до идеи снятия противоречия, отрицания отрицания, однако в его «трансцендентальной логике» противоречия не только принимаются, но имеет место и их синтез, тройственный ритм развития и т. д. А. К. Вилкс (Рига), выступавший на I секции, остановился на диалектическом характере кантовского принципа системности и синтетичности познания, а также на проблеме соотношения объективной и субъективной диалектики у Канта.

Вокруг этих проблем на секции развернулась оживленная и содержательная дискуссия. По мнению ряда докладчиков, Кант внес более заметный вклад в развитие формальнологических исследований, в разработку формального аппарата научного познания и вряд ли следует чрезмерно «диалектизировать» гносеологию критицизма (А. И. Уемов, Одесса; Ф. Кумпф, Берлин, ГДР; А. Н. Тропольский, Калининград и др.). Весьма примечательно, что дискуссия вокруг логико-гносеологических проблем «Критики чистого разума» оказалась непосредственно связанной с той полемикой по поводу соотношения содержательной и формальной логики, диалектики и теории познания, которая ведется в современной философской литературе.

Интересная дискуссия развернулась на симпозиуме и по проблеме вещи в себе. Большинство участников в целом поддержали тезис Т. И. Ойзермана о необходимости строго различать материалистическое и идеалистическое значение вещи в себе. Некоторые докладчики не согласились, однако, с однозначным противопоставлением вещей в себе ноуменам. В частности, по мнению И. С. Нарского, вещь в себе имеет четыре значения, из которых только первое (источник ощущений) имеет материалистическое содержание, остальные же выражают агностицистские и идеалистические тенденции кантовской философии. При этом, подчеркнул И. С. Нарский, каждому из значений вещи в себе соответствует ноумен как понятие, на нее лишь указывающее, но никакого знания о ней не дающее.

Наряду с критикой субъективизма и агностицизма кантовской философии, многие как советские, так и зарубежные участники стремились выявить материалистические аспекты «Критики чистого разума». В выступлениях В. Ф. Бурлачука (Киев), В. А. Жучкова (Москва), Е. Пановой (София, Болгария), Е. Хамады (Токио, Япония), В. А. Ярочкина (Харьков) был подвергнут обстоятельному рассмотрению кантовский принцип зависимости самосознания от внешнего мира, обусловленности познавательной деятельности субъекта объективной реальностью, воздействием вещи в себе на чувственность. В этой связи следует отметить выступление Е. Хамады, который убедительно показал, что кантовское понимание активности познавательных способностей субъекта вовсе не исключает, а напротив, подразумевает наличие объекта и чувственного, эмпирического материала познания. Предпринятое в «Критике чистого разума» исследование структуры человеческой деятельности имеет своей предпосылкой взаимодействие субъекта и объекта, и потому, считает Е. Хамада, было бы неверным отождествлять трансцендентальную философию с субъективизмом и другими разновидностями идеализма, отрицающими существование объекта.

В ряде выступлений развивалась мысль, что необходимо не только констатировать материалистическое значение понятия вещи в себе, но и выявлять его роль и функции в контексте всей кантовской теории познания, например, для решения вопроса о соотношении чувственности и рассудка,

внутреннего и внешнего опыта, эмпирического содержания и «чистой» формы познания и т. п. (В. Ф. Бурлачук, Г. Г. Соловьева и др.). Именно при таком подходе может быть правильно понято и реализовано известное ленинское положение, согласно которому примирение, сочетание материализма с идеализмом является *основной* чертой философии Канта. Как отметил в своем выступлении В. А. Жучков, лишь анализ всей системы «критической» философии как целостного, хотя и внутренне противоречивого образования, позволяет понять принципиальное значение кантовского допущения вещи в себе в качестве объективной реальности и аргументированно противостоят идеалистической критике Канта «справа». Подчеркнув, что материалистическое значение вещи в себе обнаруживается не только в «эстетике», но и в других разделах «Критики чистого разума», в частности, и в учении об антинomioном разума, В. А. Жучков обратил внимание на то, что понятие ноумена впервые обнаруживается у Канта уже в «аналитике», где оно играет роль рассудочного пограничного понятия, а не трансцендентальной идеи разума.

Содержательному анализу был подвергнут также кантовский принцип познаваемости вещи в себе. Отметив методологические и мировоззренческие истоки данного вывода «критической» философии, ряд докладчиков подчеркнули, что объективно кантовский агностицизм был направлен против пассивного и созерцательного понимания познания в метафизическом материализме, а также против гносеологических установок традиционного эмпиризма и рационализма, претендовавших на абсолютное определение объекта вне субъекта (Б. А. Ярочкин, Т. В. Томко). В докладе Л. А. Калининкова отмечалось, что в отличие от юмовской позиции, для Канта в мире наличного и «возможного» опыта для познания не существует никаких границ. В то же время, если для теоретического разума непознаваемая вещь в себе является пустой абстракцией, то для практически рефлективного разума вещь в себе обнаруживает свои содержательные характеристики. Тем самым, по мнению Л. А. Калининкова, Кант ограничивал возможности лишь такого познания, которое основывается на механистических принципах, и искал новые — практические и диалектические принципы познания.

Специально проблеме времени в философии Канта была посвящена работа III секции. В докладе Ю. Б. Молчанова (Москва) отмечалось, что для кантовского учения о времени характерна эволюция от реляционной и объективной точки зрения докритического периода к субъективизму и априоризму в «критических» работах. Рассмотрев соотношение концепции времени в «Критике чистого разума» с естественнонаучными теориями XVII—XVIII вв., докладчик сделал вывод, что оценка кантовского учения как новой вехи в истории развития представлений о времени является «несколько завышенной».

Этот вывод встретил серьезные возражения со стороны других участников секции, в выступлениях которых рассматривались позитивные и перспективные моменты кантовского учения о времени. Во многих докладах подчеркивались несомненные заслуги Канта в плане выявления временных структур и механизмов человеческого сознания, его активной и самостоятельной природы. Критикуя субъективистские переделки и идеалистические абсолютизации, собственные кантовской теории времени, ряд докладчиков (Н. В. Мотрошилова, Н. И. Демина, Москва, М. Рубене, Рига) отметили неправомерность трактовки этой теории как всецело субъективистской. По их мнению, Кант в известной мере отдавал себе отчет в том, что первоначальная спонтанность — временность сознания зависит не только от субъекта, но связана с его отношением к объективному миру и обусловлена воздействием вещи в себе на чувственность. Развивая данный тезис, Н. В. Мотрошилова показала односторонность сведения *философского* учения Канта в плоскость естественнонаучной проблематики, ибо в этом случае утрачивается собственный предмет кантовских исследований.

Этические, эстетические, социально-политические и философско-исторические воззрения Канта рассматривались преимущественно на V секции. Однако гуманистическое наследие мыслителя, его идеи о необходимости вечного мира между народами также занимали одно из центральных мест в работе симпозиума.

В докладе «Кант о прошлом и будущем человечества» Д. М. Гринишин (Ленинград) остановился на кантовской трактовке вопроса о происхождении и единстве человеческого рода. Воссоздавая прошлое, подчеркнул докладчик, Кант стремился учитывать естественно-материальные условия возникновения и развития человеческого общества. Рассмотрев кантовское учение об антагонизмах как движущих силах развития истории, Д. М. Гринишин отметил, что понимая сложность и противоречивость общественных отношений, Кант верил в победу нравственного начала в человеке и усматривал цель исторического процесса в создании справедливого общества и формировании гармонической личности.

Академик В. А. Штейнберг в докладе «Кант и вечный мир» подверг критике мнение о том, что у Канта якобы не было исторического чутья, глубокого интереса к социально-исторической проблематике. Однако, отметил докладчик, Кант первым поставил вопрос о войне и мире как философскую проблему и сделал ее необходимой составной частью своей философской системы. Кант глубоко осознал, что состояние войны противоречит природе человека и что перед человечеством нет иной альтернативы, кроме мирного сотрудничества между всеми народами. Вряд ли нужно доказывать, отметил В. А. Штейнберг, насколько актуальна эта кантовская идея для современной ситуации в мире.

Социально-политические воззрения Канта рассматривались и в ряде секционных выступлений. В частности, в докладе Р. Н. Блюма и Е. А. Голикова (Тарту) была предложена интересная интерпретация взглядов мыслителя на революцию. Докладчики аргументированно показали односторонность социал-реформистской трактовки Канта как безоговорочного противника всяких революций.

Проблемам культуры в философии Канта были посвящены выступления Л. А. Сусловой, Л. В. Гирко (Москва) и др. Докладчики отметили, что указанная проблематика рассматривалась Кантом весьма многопланово и пронизывала, по существу, всю его философскую систему. Тем не менее, недостатком его концепции является недооценка материальной культуры как исходной для всех других ее видов и форм.

В докладе В. К. Дябло (Калининград) был дан сравнительный анализ правовых концепций Канта и Гегеля. И. В. Бычко (Киев) рассмотрел кантовское понимание свободы как средства различения сфер действия естественных и нравственных законов и предпосылки практического применения разума. Ю. М. Бородай (Москва) посвятил свое выступление анализу историко-культурных и историко-религиозных истоков категорического императива. Э. Ю. Соловьев (Москва) остановился на теоретических предпосылках практической философии Канта, содержащихся в «Критике чистого разума» и, в частности, в его учении о диалектическом разуме. Именно здесь, по мнению докладчика, следует искать корни кантовской трактовки специфичности морального образа мыслей как постоянной, но не гарантированной в своих результатах борьбы доброй воли за осуществление своих идеалов. Позитивные аспекты кантовской эстетики были рассмотрены в докладе Л. Н. Столовича (Тарту) «Эстетика марксизма и эстетика Канта». Докладчик отметил, что кантовская трактовка специфики эстетических отношений, ценностного характера эстетических суждений, соотношения целесообразности, свободы и красоты не прошла мимо внимания Маркса и сохраняет значение для современной эстетической теории.

На двух секциях симпозиума рассматривалось соотношение философии Канта и истории философской мысли у нас в стране и за рубежом. В рамках обзора трудно охватить весь спектр персоналий и проблем, рассмотренных в выступлениях. Влияние платоновского идеализма и юмовского скептицизма на формирование кантовской философии рассматривалось в докладах Р. Л. Луканина и М. А. Абрамова (Москва). Большое внимание было уделено анализу места и роли философии Канта в истории немецкой философии и, в частности, классического идеализма. Помимо отмеченных выше докладов на эту тему, следует выделить содержательные выступления Е. Шрайтера, С. Дитцша (Берлин, ГДР), В. В. Кислицына (Уссурийск). Критический ана-

лиз различных интерпретаций кантовского наследия в буржуазной философии XX века был дан в докладах целого ряда участников. Так, например, Т. Б. Длугач, А. А. Кравченко (Москва) остановились на неокантовских трактовках Канта; Е. Панова (София) и Т. Н. Панченко (Москва) критически сопоставили учение Канта с современной аналитической философией, в частности, с воззрениями П. Стросона; Р. Гэрра (Мехико), Т. А. Кузьмина, И. П. Ферман (Москва) рассмотрели онтологические, феноменологические и экзистенциалистские интерпретации философии Канта.

Особо следует отметить тот факт, что на симпозиуме подробно анализировалось влияние Канта на развитие философии народов СССР. Много интересной и новой информации содержалось в докладах Р. Плечкайтиса, Б. К. Гензелиса (Вильнюс), П. В. Лайзана, А. Свелписа, Н. А. Гилла (Рига), А. Н. Тевосян (Ереван), А. С. Клевчени (Минск), Л. В. Полякова (Москва) и др. Малоизвестные данные из биографии Канта, а также о связях философа с Прибалтикой сообщил Я. П. Страдинь (Рига). В своем выступлении П. В. Лайзан рассказал об издателе «Критики чистого разума» И. А. Харткнохе. Просветительная деятельность рижского издателя не ограничивалась публикацией работ прогрессивных немецких философов и ученых. И. А. Харткнох имел тесные связи с русским просветителем Н. И. Новиковым, переводил на немецкий язык труды М. В. Ломоносова. О выступлении Канта в защиту литовской культуры и языка, о его поддержке борьбы литовского народа за свои права и национальную самобытность сообщил Б. К. Гензелис. Р. Плечкайтис поделился специфическими трудностями перевода «Критики чистого разума» на литовский язык, вышедшего в Вильнюсе к 200-летию юбилею кантовского труда.

Прошедший симпозиум стал яркой демонстрацией большого интереса советских и зарубежных ученых к философии Канта. Его многогранное наследие сохраняет актуальное значение и в наши дни, продолжает стимулировать современные философские исследования. На заключительном пленарном заседании председатель симпозиума В. А. Штейнберг и руководители секций единодушно отметили высокий теоретический уровень выступлений большинства участников. Оживленные, порой острые дискуссии, состоявшиеся на симпозиуме, способствовали уточнению высказанных точек зрения, более глубокому пониманию существа кантовских идей, возможных их приложений к разработке современных философских проблем.

В работе симпозиума приняло участие много молодых ученых страны, которые показали не только серьезный интерес к философии Канта, но и стремление к ее самостоятельному, оригинальному прочтению. Привлечение новых творческих сил к историко-философским исследованиям — один из главных результатов симпозиума. Другим не менее важным его итогом стало расширение научного сотрудничества и творческих контактов, а также углубление взаимопонимания и дружбы между советскими и зарубежными учеными. Этому способствовала обширная и хорошо продуманная культурная программа симпозиума. Гости из союзных республик, из социалистических и капиталистических стран были ознакомлены с достижениями Латвийской ССР за годы Советской власти, с историческими и культурными памятниками г. Риги. Интересную информацию о кантовских исследованиях в СССР, о работе музея Канта представил Калининградский государственный университет, ставший за последние годы своего рода координационным центром советского кантоведения.

Общее мнение о симпозиуме выразил в заключительном слове Президент Международного кантовского общества Г. Функе. С чувством большого удовлетворения он отметил не только прекрасную научную подготовку участников, но и господствовавшую на симпозиуме обстановку дружбы, стремление к взаимопониманию, к укреплению мира между народами.

*Д. М. Гринишин (Ленинград), В. А. Жучков (Москва),
И. С. Нарский (Москва), В. А. Штейнберг (Рига)*